

При таких условиях такая дисциплина не что иное, как добровольное и обдуманное согласование всех индивидуальных условий, направленных к общей цели.

В момент действия, в разгар борьбы роли, конечно, распределяются сообразно способностям каждого, оцененным и выясненным целым коллективом: одни управляют и распоряжаются, другие исполняют распоряжения. Но никакая роль не окаменевают, не закрепляется и не остается неотъемлемой принадлежностью кого бы то ни было. Иерархический строй и повышения не существуют, так что вчерашний распорядитель сегодня может сделаться подчиненным. Никто не возвышается над другими или если возвышается, то лишь для того, чтобы немного спустя снова пасть подобно морской волне, вечно возвращаясь к спасительному уровню равенства.

В этой системе, в сущности, нет больше власти. Власть растворяется в коллективе и делается действительным выражением свободы каждого, верным и серьезным осуществлением воли всех: каждый повинуетя лишь потому, что дежурный начальник приказывает ему лишь то, чего он сам хочет.

Вот истинно человеческая дисциплина, дисциплина, необходимая для организации свободы. Со всем не такова дисциплина, проповедуемая вашими республиканскими государственными людьми. Они хотят старой французской дисциплины, автоматической, рутинной, слепой.

Начальник – не выбранный свободно и лишь на один день, но навязанный государством надолго, если не навсегда, – приказывает, и нужно подчиняться. Спасение Франции, говорят вам они, и даже свобода Франции возможна лишь этой ценою. Пассивное повиновение – основа всех деспотизмов, будет, следовательно, также краеугольным камнем, на коем вы будете основывать вашу республику.

Но если мой начальник приказывает мне обратить оружие против этой самой республики или выдать Францию пруссакам, должен я повиноваться ему или нет? Если я буду ему повиноваться, я предаю Францию; а если ослушаюсь, я нарушу, разобью дисциплину, которую вы хотите мне навязать как единственное средство спасения для Франции.

И не говорите, что эта дилемма, которую я прошу вас разрешить, – праздная дилемма. Нет, она животрепещущей злободневности, ибо как раз над разрешением ее бьются сейчас ваши солдаты. Кто не знает, что их начальники, их генералы и громадное большинство их высших офицеров преданы душой и телом императорскому режиму? Кто не видит, что они открыто и повсюду составляют заговоры против республики? Что должны делать солдаты? Если они будут повиноваться, они предадут Францию. А если ослушаются, они разрушат то, что у вас остается от правильно организованных войск.

Для республиканцев, сторонников государства, общественного порядка и дисциплины во что бы то ни стало, эта дилемма неразрешима. Для нас, революционеров-социалистов, она не представляет никакой трудности. Да, они должны ослушаться, они должны взбунтоваться, они должны разбить эту дисциплину и разрушить современную организацию регулярных войск, они должны во имя спасения Франции разрушить этот призрак государства, бессильный для добра, могущественный для зла. Потому что спасение Франции может прийти теперь лишь от единой действительной силы, остающейся у Франции, – от революции.

* * *

Что же сказать об этом доверии, которое вам рекомендуют ныне как наивысшую добродетель республиканцев? Некогда, в бытность их подлинными республиканцами, они рекомендовали демократии быть недоверчивой. Впрочем, не было даже нужды советовать это: демократия недоверчива по своему положению, по природе, а также и вследствие исторического опыта: ибо во все времена она была жертвой и бывала обманута всеми честолубцами, всеми интриганами, как целыми классами, так и отдельными индивидами, которые под предлогом направления и ведения ее к надежной пристани вечно эксплуатировали и обманывали ее. Она до сих пор только и делала, что служила ступенькой для их подъема.

Теперь господа республиканцы от буржуазного журнализма советуют ей доверять. Но кому и чему? Кто они такие, чтобы сметь рекомендовать доверие, и что они сделали, чтобы заслужить его сами? Они писали фразы, слабоокрашенные республиканизмом, насквозь пропитанные узко буржуазным духом по столько-то за строчку. И сколько маленьких Оливье в зародыше между ними! Что общего между ними, корыстными и рабскими защитниками интересов имущего, эксплуатирующего класса, и пролетариатом? Разделили ли они, когда-нибудь страдания рабочего люда, к которому осмеливаются пренебрежительно обращать свои выговоры и советы? Сочувствовали ли хотя бы они этим